

Криминальные будни психиатра

Автор:

Андрей Шляхов

Криминальные будни психиатра

Андрей Леонович Шляхов

Приемный покой

Знаменитому врачу-психиатру придется снова разнообразить свои будни. В Москве происходит ряд жестоких и таинственных убийств. Возле каждого трупа находят страницу, вырванную из кулинарной книги. Убийца, получивший кличку Кулинар, неуловим и не оставляет следов. Жертвы никак не связаны между собой, полиция оказывается бессильна. Чтобы поймать – надо понять, но, кажется, понять убийцу-психопата невозможно. Ни один специалист не может проникнуть в его черные замыслы. Кажется, что Кулинар будет убивать бесконечно, потому что его некому остановить. И только Психиатр сможет поставить окончательный диагноз...

Андрей Шляхов

Криминальные будни психиатра

«Я прошу вас не доверять приготовление предложенных здесь блюд своему повару, если он не истинный мастер. Готовьте их сами и только по случаю, который действительно того стоит»

Рекс Стаут, «Поваренная книга Ниро Вульфа»

Перед смертью положено думать о чем-то значительном, масштабном. Во всяком случае, так принято считать. Недаром же предсмертным словам придается такое большое значение – итог всей жизни, откровение уходящих, напутствие потомкам.

Нина Семеновна в последний час своей жизни ни о чем таком не думала, потому что не знала о скором ее конце. Напротив – планы ее простирались далеко вперед. Как минимум – лет на двадцать. Женить наконец на себе Валерия, поставить на ноги дочь («на ноги» означало какой-нибудь «бюджетный» институт в сочетании с замужеством и чтобы зять попался нормальный), понянчить внуков, доработать до пенсии, а потом поселиться на даче и жить-доживать в свое удовольствие.

Это были, так сказать, планы глобальные, большие. Среди мелких рутинных дел номером первым шло составление отчета за второй квартал, причем не абы как, а на «Понтах».

«Понтами» Нина Семеновна называла программу для создания презентаций «Пауэр поинт». В глубине души она была уверена, что программу эту придумали не для презентаций, а для того, чтобы издеваться над людьми. И весь прогресс, если вдуматься, не что иное, как средство изо щренного издевательства над людьми.

– Седина в бороду – бес в ребро, – ворчала себе под нос Нина Семеновна, кликом мышки оживляя уснувший за время чаепития компьютер. – Зачем усложнять, Николай Николаевич? Вот скажите вы мне – зачем усложнять?

Директора рядом не было, рядом вообще никого не было, потому что Алла Игоревна болела, а начальница отдела персонала Ольга Владимировна обедала в столовой. Ей было можно обедать – сорок пять лет, а сзади за шестнадцатилетнюю принять можно. Спереди, конечно, другое впечатление, годы не скроешь, но лишних килограммов у Ольги Владимировны не было. В отличие от Нины Семеновны, у которой их имелось предостаточно – как минимум двадцать пять, если не все тридцать. Поэтому – никаких обедов. Яблоко и пустой чай. Хорошо хоть в нем можно себя не ограничивать.

– Ну вот зачем вам, Николай Николаевич, этот отчет? – продолжала Нина Семеновна. – Все эти циферки, графики, диаграммы? Вы что, первый день работаете и не знаете, что с грузчиками у нас полная жопа, а с карщиками – провал?..

«Полная жопа» в устах сотрудников отдела персонала означала большую нехватку кадров. «Провал» – огромную.

– Разве Ольга Владимировна вам об этом не говорила? Да на каждом совещании докладывает!..

Генеральный директор обожал стравливать подчиненных между собой. Ему казалось, что так они лучше работают. На самом деле работали они хуже, чем могли бы, потому что уйма времени и сил уходило на интриги и дразги. Зато любое сделанное в перерывах между склоками дело преподносили как грандиозное достижение. Николай Николаевич, старый комсомольский работник, любил показуху, пафос, фанфары, а в последнее время проникся страстью к цветным графикам и диаграммам. Проникся настолько, что, несмотря на всю свою прижимистость, разорился на проектор ценою в сорок девять с половиной тысяч рублей. Почти пятьдесят! Две месячные зарплаты Нины Семеновны. И то, если с премиями считать! А для чего? Чтобы во время совещаний на графики пялиться? Можно подумать, в них есть хоть какой-то смысл!

– Вот если освободить наш отдел от всех этих никому не нужных отчетов, всем бы вышла выгода, – посоветовала Нина Семеновна.

Ввиду отсутствия директора советовала она безбоязненно. В глаза бы не рискнула – затопчет.

– Тогда можно было бы спокойно сократить Алку, все равно она со своим диабетом больше по больницам валяется, чем работает, а ставку ее поделить пополам. Половину – мне отдать, все равно я три четверти Алкиной работы делаю, а половину сэкономить. Вас же хлебом не корми, дай сэкономить. Разве не так, Николай Николаевич? Вот если бы вы грузчикам платили нормально, к нам бы очереди стояли. Или я не права?

Проклятый компьютер завис и отказывался реагировать на целебное нажатие трех клавиш «Ctrl – Alt – Del». Нина Семеновна вздохнула – ну что за день сегодня такой! – и ткнула пальцем в кнопку перезагрузки.

– У вас даже гастарбайтеры работать не хотят! – В своем обличительном порыве Нина Семеновна дистанцировалась от складского комплекса, на котором работала уже восьмой год. – За такие-то смешные деньги! А вы витаете себе в облаках, графиками любуетесь!

Тон Нины Семеновны постепенно менялся от увещательного к обличительному. А почему бы и нет? Стесняться некого, никто же не слышит!

– Зажрались совсем! Машину раз в два года меняете. Чем дальше, тем шикарней. Отдыхать ездите на Гоа-Моа. Часики швейцарские носите. А грузчику, по-вашему, и по двенадцать тысяч в месяц достаточно будет? Размечтались! Это раньше дураки были, которые за идею работали, а теперь все работают за деньги! Платите, и все вам будет! Нам, работникам интеллектуального труда, тоже не мешало бы повисить оклады. Люди вон на такой работе, как моя, по сорок тысяч получают!

Нина Семеновна говорила чистую правду. Ее племянница, тридцатилетняя дылда, не имевшая никаких достоинств, кроме длинных ног и упругой груди, работала в отделе персонала «Русбилдтрейдбанка». Оклад – сорок тысяч плюс бонусы раз в квартал (не сравнить с куцыми складскими премиями) и перспективы роста. А на складе куда расти?

– К вам с главбухом людям хода нет, вы – небожители, – в слово «небожители» Нина Семеновна вложила весь сарказм, на который была только способна, – а нам приходится за вас отдуваться...

Приходится, да. Сегодня кладовщик Тюленьков скандал устроил – почему ему не оплатили переработку в прошлом месяце? Орал на Нину Семеновну и Ольгу Владимировну, кулаками тряс, глазами сверкал. А у самого кулаки пудовые, а глаза бешеные, потому что контуженный Тюленьков на всю голову, уже двадцать лет как контуженный, с тех пор как в Нагорном Карабахе их БТР нарвался на мину. С таким связываться себе дороже. И чего связываться-то? Нина Семеновна все тюленьковские переработки учла и в бухгалтерию подала, а почему их не оплатили – уже не ее дело. Бухгалтерия любит зажилить-затерять.

Кто-то обратит внимание на то, что ему недоплатили, а кто-то и не обратит...
Экономия – мать благосостояния.

В тот момент, когда проклятая программа наконец-то открылась, за спиной Нины Семеновны скрипнула дверь. «Кого это черти принесли?» – удивилась она. И удивление было обоснованным. До возвращения Ольги Владимировны, имевшей обыкновение выкуривать после обеда две сигареты подряд, было еще далеко, а сотрудников давно отучили вламываться в отдел во время перерыва.

Нина Семеновна обернулась к вошедшему, но рассмотреть его не успела, потому что голова ее взорвалась ослепительной и очень болезненной вспышкой, которая быстро сменилась непроницаемой тьмой. Второго и третьего ударов она не почувствовала. Не потому что они были слабее первого, ужасного в своей сокрушительной силе, а потому что была уже мертва.

Вырванный из книги лист спланировал на грудь покойницы, но не удержался там и сполз на пол. Окровавленная бита легла поперек стола Нины Семеновны.

Через десять минут компьютер перешел в режим ожидания...

* * *

Первый рецепт Кулинара

«Котлеты отбивные и натуральные

Свиную, баранью или телячью корейку обмыть, очистить и нарезать котлеты (с реберной косточкой). Каждую котлету слегка отбить тылкой, посолить, посыпать перцем, смочить во взбитом яйце и обвалить в сухарях.

Подготовленные котлеты положить на разогретую с маслом сковороду и обжарить с обеих сторон до образования румяной корочки (примерно в течение 15—20 минут).

Готовые котлеты положить на блюдо и полить растопленным маслом. На гарнир можно подать жареный картофель, картофельное пюре или различные овощи, заправленные маслом (морковь, кукурузу, цветную капусту, зеленый горошек и др.).

Таким же способом можно приготовить котлеты натуральные, т. е. не обваливая их в сухарях. В этом случае их поливают соком, образовавшимся при жарке.

На 500 г свиной или телячьей корейки – 1 яйцо, 1/2 стакана сухарей и 2 ст. ложки масла».[1 - Все рецепты Кулинара взяты из «Книги о вкусной и здоровой пище. Москва, Пищепромиздат, 1954 год. Ответственный редактор И. К. Сиволап.]

* * *

На перекур Кирилл спустился в подвал, было у него там облюбовано потаенное местечко, скрытое от посторонних глаз сложенными в штабеля железяками. Сухо, чисто, никто тебя не видит и не чует, потому что дым утягивает в вентиляционное окошечко. Еще бы кресло сюда...

Вместо кресла приходилось обходиться трубой, идущей вдоль стены. Чтобы не испачкать брюки, Кирилл клал на трубу газету. Покурив, уносил газету обратно. Главный инженер Арсен Акопович во время своих обходов заглядывал во все углы. Незачем ему знать, что за железяками кто-то приятно проводит время.

Кирилл вообще не был склонен привлекать к себе лишнего внимания, а уж во время курения травки – и подавно. В полицию Окопыч не пойдет, ясное дело, но отцу настучит сразу, это уж, как говорится, и к гадалке не ходи. Репрессивные меры не заставят себя ждать. Придется опять долго сидеть без денег, отчитываться за каждый шаг, а в качестве «компенсации» ежедневно выслушивать пространные нотации. Отец другого способа воспитания не знает. Урезать «снабжение» и упоенно сношать мозг своими нравоучениями – в этом он весь. Кирилл не мог вспомнить ни одного нормального разговора с отцом, одни поучения. В семь лет, в двенадцать, в шестнадцать, в двадцать... Скоро уже юбилей отмечать, двадцатипятилетие, а отец продолжает относиться к нему как к маленькому мальчику. Пень дубовый!

Умиротворение пришло после второй затяжки. Нет, что ни говори, а работать под крылышком у отца-папаши хорошо. Где-нибудь в другом месте Кирилл, как самого молодого из менеджеров, гоняли бы, что называется, и в хвост и в гриву, сделали бы мальчиком на побегушках, да еще назначили бы ответственным за все промахи и ошибки. Тяжела участь молодых – что в армии, что на гражданке процветает дедовщина. Молодые таскают каштаны из огня, а старички ими лакомятся.

То ли дело здесь. Кирилл может делать что хочет (разумеется, когда отца рядом нет). Хочет – работает, обзванивает потенциальных клиентов и отправляет им коммерческие предложения. Хорошая работа, особенно если стол стоит так, что экран монитора никому не виден. Здесь Кирилл все уважают, ну, если не уважают, то относятся с почтением, хозяйский сынок, как-никак. Пусть отцу принадлежит только пятьдесят процентов акций, но все равно он – хозяин. Владелец Баллантрэ[2 - «Владелец Баллантрэ» (также «Хозяин Баллантрэ» или «Мастер Баллантрэ»; англ. The Master of Ballantrae: A Winter's Tale) – исторический роман шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона, вышедший в свет в 1889 году.], черт бы его побрал! Кирилл однажды подсчитал, что если продать отцовский пакет акций, а вырученные деньги распихать по банкам (в одну корзину все яйца складывать не стоит), то можно вполне нормально жить на проценты, не работая, а только наслаждаясь жизнью. Но легкие пути – это не для отца. Ему нужно руководить, организовывать, вести переговоры, посещать разные скучные мероприятия, поучать (как же без этого!), наказывать, иногда – поощрять. Короче говоря – быть при деле. Странный человек...

Кириллу стало жаль отца. Жизнь идет к концу, а человек так и не научился ею наслаждаться. Если бы Кирилл знал, сколько минут осталось жить ему самому, то, вне всяких сомнений, начал бы жалеть себя. Сразу после первой самокрутки, закурил бы вторую, припасенную на вечер – ждатель-то нечего! – чтобы напоследок оттянуться как следует. Да и вообще, зачем добру пропадать, да еще такому качественному добру. Друг привез из Казахстана, куда ездил на переговоры (друг был ведущим менеджером по продаже на заводе, производящем лифты), и угостил. Оторвал, можно сказать, от сердца...

Было так приятно сидеть в прохладном подвале и расслабляться, зная, что наверху, всего в каких-то полутора метрах, царят жара и суета. Суета на складе вечная, перманентная, днем ее больше, чем ночью, но и ночью тоже хватает. Только первого и второго января тихо и пусто кругом, редко где стоит у пандуса

фура. А в остальные дни все время только и слышно: «давай-давай!», «пошел-пошел!», «быстрее-быстрее!». Вчера на третьем складе карщик при развороте задел вилами грузчика и сшиб его с пандуса. На прошлой неделе какой-то лихач чуть Окопыча по стенке не размазал, за что был показательно бит мордой об свой же кар.

Кирилл старался как можно меньше разгуливать по территории, но появляться там все же приходилось. То отец потащит куда-нибудь (это называлось «знакомить с бизнесом» – а-ха-ха!), то клиентам склад надо показать, а с недавних пор отец дал начальнику отдела распоряжение привлекать Кирилла к разбору претензий. Типа, пусть сынок зубы точит. Претензии – это ужас. Ужас в квадрате, в кубе. Клиенты наседают, складские отбрехиваются, а ты мечешься между ними и с тоской ждешь, когда все это закончится. Что там разбирать, если клиент всегда прав? Но нет – надо выходить на территорию, вникать, опрашивать, писать докладную на папашино имя (натуральный цирк, «Камеди-клуб» отдыхает), давать заключение... Какая же скука! Ну почему папаше вздумалось стать совладельцем складского комплекса? Лучше бы в ночной клуб вложился или в киностудию какую-нибудь. Презентации, кастинги, толпы красивых девчонок... А на складе единственная симпатичная женщина – папашина секретарша Вика, тридцатилетняя мать-одиночка с чувственным ртом и ладной кругленькой попкой. Все остальные – низший разряд четвертого сорта...

Мысли о женщинах, подстегнутые очередной затяжкой, унеслись далеко-далеко. Кирилл очнулся от боли в руке – тлеющая самокрутка обожгла пальцы. Коротко затянувшись в последний раз (не просто последний, а, как оказалось, действительно последний), он бросил окурочек на цементный пол, растер его подошвой чуть ли не в пыль, встал, обернулся, чтобы забрать газету, на которой сидел. Взял – и тут же выронил, потому что неведомая сила стиснула горло и резко, сильно потянула вниз. Кирилл захрипел, упал на колени, попытался было освободить шею от удавки, но не смог и в предсмертном отчаянии беспорядочно замахал руками, пытаясь отогнать от себя невидимого душителя.

Душитель знал свое дело, и потому все закончилось быстро. Спустя две минуты Кирилл лежал на полу в своем тайном укрытии, уставившись в потолок выпученными, уже ничего не видящими, глазами. К вывалившемуся наружу синюшному языку был булавкой приколот лист, вырванный из книги...

* * *

Второй рецепт Кулинара

«Язык под белым соусом с изюмом

Хорошо вымытый свежий язык положить в кастрюлю, добавить очищенные, вымытые и нарезанные коренья, лук, соль. Залить горячей водой и, поставив на огонь, варить в течение 2–3 часов. После варки язык вынуть, обмыть холодной водой и немедленно снять с него кожу. На бульоне, полученном при варке языка, приготовить соус. Для этого столовую ложку муки слегка поджарить с таким же количеством масла, развести процеженным бульоном (1 1/4 стакана), вскипятить, добавить перебранный вымытый изюм и проварить 5–10 минут, после чего снять с огня, посолить, прибавить лимонный сок, кусочек масла и перемешать.

При подаче к столу язык нарезать тонкими ломтиками, уложить на блюдо, положить гарнир (зеленый горошек, макароны, тушеную капусту, картофельное или гороховое пюре), после чего полить язык приготовленным соусом.

Язык можно полить соусом и без добавления изюма, а также приготовить и без соуса, полив бульоном.

Так же можно приготовить свежие языки свиные; варить их надо в течение 1–2 часов.

На 1 свежий язык (говяжий) – 1 шт. моркови, 1 шт. петрушки, 1 головка лука, 100 г изюма, 1 ст. ложка муки, 2 ст. ложки масла».

– Для начала ознакомься с этими рецептами и скажи, что между ними может быть общего! Только не торопись, а прочти внимательно, подумай!

Виталик достал из нагрудного кармана рубашки пачку «Парламента» и с надеждой посмотрел в сторону открытого окна. Савелий указал рукой на входную дверь и добавил для ясности:

– Знаю я это твоё курение «в окошко», вся комната провоняет.

Брат сделал обиженное лицо (вот оно, нынешнее гостеприимство во всей его широте) и ушел дымить на лестничную площадку. Савелий разложил четыре фотографии перед собой и начал их изучать. Фотографии были большими, листы получились в натуральную величину и текст читался легко.

Какая-то кулинарная книга, явно старая. Страница номер сто семьдесят один. Бастурма из филе, телятина жареная, свинина жареная, в колонке сбоку – окончание рассказа о колбасном заводе. Тот же лист, страница сто семьдесят два, – баранья грудинка, жаренная в сухарях, котлеты отбивные и натуральные, шницель. В боковой колонке рассказывается о том, как приготовить столовую горчицу (неужели ее когда-то готовили дома?). Рецепт котлет обведен красным. Не карандаш – маркер или фломастер. Верхний правый уголок испачкан чем-то бурым.

Другой лист. Такая же небрежная линия отрыва, тот же бурый уголок, только вверху слева. Вырывать листы из книг можно по-разному. Можно аккуратно, а можно и вот так, выдирать. Страница сто пятьдесят девять. Ветчина с горошком. Дальше идет обведенный красным рецепт языка под белым соусом с изюмом. В боковой колонке рассказывается про панировочные сухари, а ниже приводится старинный рецепт соленого языка с гарниром и даются советы по выведению пятен от красного вина. Однопроцентный раствор жавеля? А что такое «жавель»?

Всезнающий Гугл объяснил, что жавель – это хлористый раствор, употребляемый для отбеливания тканей и белья при стирке. Савелий отложил телефон и начал рассматривать последнюю из четырех фотографий. Сто шестидесятая страница. Вторая половина рецепта языка под белым соусом с изюмом (здесь ничего не обведено), отварной рубец, говядина, тушенная с макаронами. В боковой колонке (дурацкая форма подачи информации все эти колонки) – несколько

строк про баранью грудинку, несколько строк про бифштексы, еще один старинный рецепт. «Хорову чабанский» – запеченный бараний желудок, фаршированный бараньим же мясом. Вкусно, наверное...

Если фотографии принес Виталик, да еще и попросил посмотреть внимательно, то значит, что это – улики, имеющие отношение к какому-то преступлению. И, вероятно, не к уменьшению порций в кафе. Первая оперативно-розыскная часть московского уголовного розыска, в которой служит брат, занимается убийствами. Значит, листы из кулинарной книги имеют отношение к убийству. А что такого в обведенных красным рецептах? Что общего может быть между отбивными и языком, да еще под белым соусом и с изюмом. Интересный, кстати, вариант. Надо бы приготовить...

От вернувшегося кузена на версту разило табачищем. Не иначе как выкурил одну за другой две сигареты. Значит, разговор планируется долгий. Что ж, блаженные субботние вечера просто созданы для долгих разговоров. Обстоятельных, неторопливых. А если гость принес бутылку коньяка, то это...

То это банальный подкуп! Или – политкорректнее – аванс. У дорогого и любимого двоюродного братца случилась очередная закавыка, и он решил привлечь к делу Савелия. Один раз повезло, может, и во второй раз повезти. Дуракам всегда везет, дилетантам – тоже.

Чтобы не выпасть из канонов гостеприимства окончательно, Савелий принес с кухни закуску – восхитительно вкусные персики (взятка, привезенная пациенткой-азербайджанкой с исторической родины), горький шоколад, чернослив. Чернослив по вкусу сильно уступал персикам, потому что был куплен впопыхах, без особого разбора, да еще в супермаркете. А разве можно купить в супермаркете приличные сухофрукты? Наверяд ли.

Виталику, впрочем, не требовались ни персики, ни шоколад, ни чернослив. Он вообще был слегка взвинчен и ни в какой закуске не нуждался. Опустошил в два жадных глотка свой бокал и нетерпеливо спросил:

– Ну, что скажешь?

– Судя по всему, эти листы выдраны из одной и той же книги, – осторожно сказал Савелий.

– Из книги, б..., о вкусной, б..., и здоровой, б..., пище! – сказал брат. – Москва, Пищепромиздат, б..., 1954 год!

Изобилие непечатного слова явственно свидетельствовало о том, что у брата не просто закавыка, а неприятная закавыка. Чреватая последствиями. А какие могут быть последствия в полиции? Ясно какие – звездочку с погон долой и в участковые, землю топтать! Об этих последствиях Виталик упоминал не раз.

– Раритет! – уважительно сказал Савелий.

– Тираж – полмиллиона. Продавалась почти шестьдесят лет назад. Хрен найдешь концы.

– Поконкретнее можно? – попросил Савелий. – А то я что-то не пойму...

– Можно и поконкретнее. – Виталик плеснул в свой фужер коньяка, отпил половину, шумно выдохнул, откинулся на спинку кресла и начал рассказывать: – Есть в районе Южного порта складской комплекс, принадлежащий ЗАО «Верни-компани»...

– Французы? – В слове «верни» Савелию слышалось что-то галльское.

– Наши, – ответил Виталик. – Верни – это Вергун Николай Николаевич, генеральный директор и совладелец комплекса, до две тысячи пятого года бывший единственным владельцем. В две тысячи пятом понадобились деньги на реконструкцию, в результате чего у комплекса появился второй владелец – Олег Михайлович Высоцкий...

– И, конечно же, каждый из них хочет отделаться от другого, – предположил Савелий.

– Не угадал, – покачал головой брат. – Все гораздо запущеннее. На прошлой неделе на территории комплекса произошло два очень странных убийства. Абсолютно непонятных. В понедельник во время перерыва была убита сотрудница отдела персонала Луковская. Забита бейсбольной битой, которую мы нашли у нее на столе. Сорок шесть лет, с мужем давно в разводе, дочери – шестнадцать, учится в десятом классе. И соседи, и сотрудники склада в один

голос утверждают, что жертва была спокойной бесконфликтной женщиной. Кому могло понадобиться убивать ее, да еще с такой жестокостью? И зачем убийца оставил рядом с трупом лист из старой кулинарной книги, в которой отметил рецепт отбивных котлет? Потому что орудовал битой? Но какой в этом смысл? Ты видишь здесь смысл?

- Не вижу, - честно признался Савелий.

- Вот и хорошо! - неожиданно обрадовался брат. - Значит, задачка действительно по вашей психиатрической части!

Схватывать все на лету и делать скоропалительные выводы не совсем одно и то же. Но как это объяснить торопыге? Сам Виталий считал, что соображает очень быстро. Практически молниеносно.

- Ты сказал, что убийств было два.

- Да - два. В четверг около двух часов дня в подвале склада номер один был найден труп Кирилла Высоцкого, двадцати четырехлетнего сына совладельца и заместителя генерального директора комплекса. Он тоже работал на складе, менеджером коммерческого отдела. Судя по всему, парень уединился в укромном месте, чтобы выкурить косячок, а его там задушили капроновой веревкой. И булавкой прикололи к языку листок с рецептом именно языка. С изюмом! Два убийства в одном учреждении, разные люди, разный способ, никакого видимого мотива и страницы из одной и той же книги. Не наводит ни на какие выводы? Меня лично наводит. И других наводит.

- Маньяк? - Савелий пригубил коньяк и закусил кусочком шоколада. - Возможно... Кулинарная мания? Или какие-то тонкие, одному ему понятные логические выкладки? Вопрос, конечно, интересный, но хотелось бы подробности...

Подробностей у Виталика было не так уж и много. Кадровичка Луковская родилась в подмосковном городе Железнодорожном, после школы поступила на факультет государственного делопроизводства историко-архивного института. Замужество, рождение дочери, развод, работа в отделе кадров, работа ассистентом генерального директора, работа в отделе продаж, работа в отделе персонала. В поле зрения правоохранительных органов не попадала, с

окружающими не конфликтовала, займы не давала, долгов не имела, с дочерью была в прекрасных отношениях... Вроде бы сорок шесть лет прожила, а врагов не нажила и убивать ее никаких видимых причин нет. По крайней мере на первый взгляд. Да и на второй тоже. А уж так жестоко, битой по голове... Тем более! Это же какую, мягко говоря, неприязнь к человеку надо испытывать, чтобы таким образом от него избавиться. Да еще с явным риском – прямо на рабочем месте, посреди рабочего дня. В административном корпусе. Пусть даже и во время перерыва, когда народ в основной своей массе находился в столовой и прилегающей к ней курилке.

Второе убийство еще непонятнее первого. Кирилл Высоцкий в чем-то криминальном замечен не был, на складе ни с кем не конфликтовал, в поле зрения полиции не попадал. Травкой баловался, что да, то да. При нем нашли всего одну самокрутку, спрятанную среди сигарет в пачке. Ну и на полу, среди мусора, несколько растоптанных окурков. И больше ничего компрометирующего, никаких угроз, никаких потенциально опасных связей. Ничего такого, что могло бы повлечь за собой убийство.

– То, что преступник – маньяк, сомнений ни у кого не вызывает, – подытожил Виталик. – Я просто не хотел навязывать тебе это мнение, лучше, чтобы ты сам...

– Если в поступках нет явной логики, то, значит, маньяк? – поддел Савелий. – А если логика скрытая?

– Есть мысль? – оживился брат. – Выкладывай!

– Мыслей как таковых нет, но есть сомнения. Почему-то ты не озвучил главный из человеческих мотивов...

– Какой? – вскинулся Виталик.

– Любовь! Не было ли любовной связи между убитыми? Я понимаю, что большая разница в возрасте, но...

– Ничего подобного быть не могло! – уверенно заявил Виталик. – Во-первых, никто об этом не рассказал...

– Или не пожелал рассказать, – вставил Савелий.

– А во-вторых, – Виталик повысил голос, давая понять, что перебивать его не стоит, – там достаточно одного взгляда, чтобы все стало ясно. Женщина может иметь любовника вдвое младше себя, но для этого она должна быть привлекательной. Ну или... богатой. Спонсором.. Спонсорство отпадает. Сам понимаешь, не тот случай. А что касается привлекательности, то и с этим у Луковской были большие проблемы. Не женщина, а типичная тетка. Не то чтобы некрасивая, но расплывшаяся и неухоженная. Она не могла заинтересовать молодого, симпатичного и не стесненного, насколько я понимаю, в средствах парня. Скорее бы уж он заинтересовался ее начальницей. Той примерно столько же, сколько и убитой, но она подтянутая, ухоженная и вся такая зовущая... Сексапильность из нее так и прет. Луковскую я, конечно, живьем не видел, но в целом мнение составил. Да и не бывает такого, чтобы о служебном романе никто не знал. Я недавно подвез до дома после работы одну нашу секретаршу...

Савелий понимающе улыбнулся.

– Я попрошу без намеков, – нахмурился Виталик, – не надо намеков. Я сделал это чисто по-дружески. Мне по пути, чего бы не подвезти человека. Вдвоем ехать веселее.

– Веселее, – согласился Савелий.

– Так вот на следующий день кто-то из наших настучал ее мужу, и у девчонки были проблемы. На пустом месте. А ты говоришь – любовь и ревность. Выбрось из головы.

Савелий изобразил, как снимает левой рукой воображаемую крышку с темени, а правой выбрасывает нечто увесистое из черепной коробки. Вернул «крышку» на место, прихлопнул для надежности ладонью и спросил:

– Итак, чего ты от меня хочешь?

– Умных мыслей. – Виталик улыбнулся во все прокуренные зубы. – Чего-то такого... эксклюзивного. Мне уже пора проявить себя на новом месте, обратить на себя внимание в хорошем смысле этого слова. Все сходятся на том, что убийца психически нездоров...

– Возможно.

– Скорее всего убийца работает на складе. В отдел персонала любой с улицы может зайти, а вот в подвал постороннему попасть не так уж и просто.

– Вход охраняется?

– Во-первых, он не на виду и посторонний в подвале сразу обратит на себя внимание. Во-вторых, да, на складе пропускная система. Четкая, хорошо отлаженная. Для прохода или проезда посторонним надо предъявлять паспорт или права, иначе их на территорию не пустят. Установлены камеры наблюдения. Две «пишут» ворота, а одна – турникет. Мы просмотрели записи в дни убийств и выяснили, что никто с улицы без предъявления документов и выписки пропуска на территорию не проникал. Потом опросили всех, кто был записан в журнале пропусков до предполагаемого времени...

– Искали кого-то, кто был записан, а на самом деле на складе не появлялся?

– Ловишь на лету! – похвалил Виталик. – Невозможно предположить, чтобы убийца пришел убивать и предъявил на вахте свой паспорт. Документ должен быть чужим, краденым или поддельным. Но все подтвердили, что побывали на складе. Ну, если честно, то почти все. Гражданина Коростылева, сорок пятого года рождения, жителя города Ливны Орловской области, и гражданку Вашакидзе, шестьдесят второго года рождения, из славного города Таганрога, нам найти не удалось. Но их и подозревать особо не получается, потому что Коростылев не подходит по возрасту, староват он для таких подвигов, а Вашакидзе – женщина. Так что, предварительно можно отбросить версию с «чужими». Это кто-то свой.

– Согласен, – после недолгого размышления сказал Савелий. – Для самовыражения посредством убийства незачем проникать на хорошо охраняемый объект. А если ты там работаешь, то...

– ...очень удобно совмещать приятное с полезным! – хохотнул Виталик.

Савелий поморщился, но переводить разговор на тему профессионального выгорания не стал. Момент был не совсем подходящий, да и толку-то?

– И что он хочет сказать? – продолжал брат. – Зачем оставляет рецепты? Что за бредовая идея?

– Чужая душа – потемки, Виталь. Идея у него может быть самая неожиданная. Возможно, он таким образом протестует против фаст-фуда и призывает людей готовить дома. Или, скажем, ходить в рестораны...

– Идеальный борец с гамбургерами?

– Как вариант. Возможно, он когда-то имел отношение к кулинарии...

– Об этом мы сразу подумали. Выявляем всех, кто любит готовить, или учился в кулинарном техникуме, или когда-то работал в кафе...

– Сколько народу работает на складе?

– Триста сорок два человека. Не считая двух убитых.

– Пятьдесят подозреваемых при такой системе точно наберете. Если не больше.

Виталик кивнул и развел руками. Наберем, а что делать?

– Только вот, возможно, кулинария тут ни при чем. Вполне вероятно, что это ассоциации. Отбивная котлета намекает на то, что убитая кого-то когда-то отбила...

– Тогда должна мстить женщина! – возразил Виталик.

– Ты про такое понятие, как «аффект», слышал? Да и женщины бывают разные. Физически крепкая женщина, да еще, скажем, играющая в большой теннис, вполне может забить соперницу битой. Нельзя на все сто процентов отрицать такую возможность?

– Нельзя, – без особого энтузиазма признал Виталик.

– А рецепт языка, приколотый к языку, намекает на то, что убитый сказал что-то лишнее. И вот мы уже имеем не Кулинару, а кого-то другого. Любителя метафор, у которого дома завалялась книга о вкусной и здоровой пище. Ну и «симуляцию» я бы не стал сбрасывать со счетов. Преступник может просто косить под маньяка.

– Но тогда нужен мотив! – простонал Виталик. – Ты, Савелий, странный человек. Я пришел к тебе с одной проблемой, в надежде что ты мне прояснишь темные моменты. А ты еще больше туману нагнал.

– Это какого же? – удивился Савелий.

– Последняя твоя версия – отбивная, потому что отбила, а язык, потому что лишнее сказал. В этом направлении мы не думали.

– Вот тебе для полного счастья еще одно направление. – Савелий улыбнулся и подмигнул брату. – Убийца – убежденный вегетарианец, который хочет донести до всех людей мысль, что нехорошо убивать для того, чтобы съесть. Опомнитесь, призывает он, а если кто-то вас начнет убивать?

– Версия, однако, – согласился Виталик. – Только есть в ней одно слабое место – вегетарианец, убежденный противник убийства, и вдруг сам убивает.

– Чего только не сделает человек во имя идеи. Он же не просто так убивает, а ради великой цели! Это должно полностью оправдывать его в собственных глазах. Еще версии нужны?

– Валяй, чего уж там. – Виталик покосился на полупустую бутылку, но наливать не стал. – Только по делу, без приколов.

– Исключительно по делу, – заверил Савелий. – Возможно, каждый рецепт – всего лишь часть некоего послания, кусочек мозаики. И пока мы не получим все кусочки, мозаику из них не соберем.

– Ты хоть сам понял, что сказал?! – Виталик аж подпрыгнул в кресле. – Ты предлагаешь ждать, пока он укокошит еще десять человек, чтобы было из чего собирать мозаику?! Издеваешься?!

– Я не издеваюсь и не предлагаю. – Савелий налил брату коньяка. – Я просто озвучил такую возможность. Выпей и успокойся.

Виталик охотно последовал совету.

– Фотографии можешь мне оставить? – спросил Савелий.

– Могу, конечно. Для тебя их сделал.

– Еще мне хотелось бы взглянуть на фотографии убитых...

– Зацепило! – Виталик хлопнул себя ладонями по коленям. – Все-таки зацепило тебя, а я боялся, что не зацепит!

– И как можно полнее ознакомиться с их биографией.

– Ватсон, вы получите все, что пожелаете! – церемонно пообещал брат.

Савелий благоразумно не стал уточнять, на кого из героев Конан Дойля похож Виталик. Впрочем, инспектор Лестрейд довольно симпатичный персонаж. Деятельный, энергичный, храбрый. Только вот... недалекий.

3

Было интересно и в каком-то смысле даже приятно сидеть в кресле и читать материалы, привезенные Виталием. Ну, прямо великий Шерлок Холмс. С одним успешным делом в анамнезе.

Да – с одним. Но с каким! А если и на этот раз удастся вычислить убийцу раньше, чем это сделает полиция?

В довольно подробных биографиях убитых (сразу чувствовалось, что информацию собирали профессионалы) Савелий никаких точек соприкосновения не нашел. Разве что только одну: Луковская жила в Лианозово, на Абрамцевской

улице. А Высоцкий был постоянным клиентом фитнес-клуба, расположенного на соседней улице. Но – Савелий это прекрасно понимал – обстоятельство было настолько притянута за уши, что его не стоило принимать всерьез.

Нечто нелогичное в убийствах явно было. Точнее – нечто неразумное. Довольно сложные способы убийства. Ударить ножом куда проще, чем душить или бить по голове бейсбольной битой. Это с одной стороны. С другой – расправляясь с жертвами на многолюдном предприятии, убийца действовал весьма рискованно. Особенно в первом случае, ведь, несмотря на перерыв, в отдел кадров мог кто-нибудь заглянуть. Даже не по делу. Просто на чашку чая. Почему ему так приспичило избавиться от Луковской? Вспомнилась читанная в детстве повесть, в которой шпион, опасаясь разоблачения, убил кадровика, обнаружившего какую-то несостыковку в его биографии. Но дело было на секретном заводе, а тут обычный складской комплекс? Какой компромат могла «нарыть» Луковская? И главная загадка: зачем было делать это на рабочем месте? С сыном заместителя генерального директора было как-то логичнее. Во-первых, его убили в укромном месте, где риск быть увиденным не так уж и велик. Во-вторых, уже то обстоятельство, что убитый был сыном руководителя, могло дать повод для преступления – кто-то из сотрудников, ненавидевший Высоцкого-старшего, решил отомстить ему таким вот страшным образом. Ужас, но встречаются в жизни ужасы и похлеще.

Отложив папку с материалами, Савелий начал разглядывать фотографии листов из кулинарной книги. Кулинар... Битой по черепу – отбивная котлета? Небрежная какая-то мания у этого маньяка, если он, конечно, маньяк. По хорошему полагалось, убив Луковскую, вырезать из ее тела добрый кусок мяса, отбить его и оставить рядом с трупом. Мания – это же все-таки самое главное в жизни маньяка, стержень, краеугольный камень. Хотя... когда ему этим заниматься? Времени-то в обрез. Нехватка времени многое объясняет. А может, изначально все так и задумано – обозначить символами, небрежно. Что он этим хотел сказать? Что мастер не разменивается на мелочи? Или подчеркнул свое пренебрежительное отношение к убитым или ко всем людям вообще – вам, мол, и так сойдет, жрите, что дают.

Или он весельчак? Ха-ха, как смешно! Битой по черепу – и готова отбивная! Хочешь полакомиться языком – задуши кого-нибудь! Нет, не полакомиться, а приготовить, он же Кулинар.

А может, не Кулинар? Может – гурман? Эдакий любитель поесть. Кушать подано... Впрочем, нельзя исключить и убежденного вегетарианца. В разговоре с Виталием Савелий брякнул про вегетарианство не думая, ткнул, так сказать, пальцем в небо, а версия ведь вполне жизнеспособная. Отчего бы вегетарианцу таким вот «оригинальным» методом не призвать мясоедов одуматься и перестать питаться мертвечиной? Вполне.

А вот на нереализованных надеждах всерьез останавливаться вряд ли стоит. Хотя бы потому, что убийца работает на складе, а не в каком-нибудь ресторане. Но там же есть столовая...

Виталик вопросу не удивился.

– Еду им привозит кейтеринговая компания, – ответил он. – Сейчас мало кто у себя готовит – хлопотно, да и в итоге дороже выходит. А так привезли, раздали...

– Остается только посуду помыть.

– Выбросить, – уточнил брат. – Она же одноразовая.

Тогда нереализованные надежды отпадают. При такой любви к кулинарии человек непременно свяжет свою жизнь с ней. Пусть не в каком-нибудь мишленовском ресторане, а в чебуречной-хинкальной-пельменной, он будет стоять у плиты и готовить, готовить, готовить... Грузчиком на склад он не пойдет. И карщиком тоже.

Полностью погрузившись в свои мысли, Савелий даже не заметил, как Виталий вышел из комнаты и тихонько прикрыл за собой дверь.

«Стоп! – осадил себя детектив. – Любитель». А что, если это нереализованная детская мечта? Сын мечтал стать поваром, а отец-самодур сказал, что готовка – женское дело, и настоял на том, чтобы сын пошел учиться на водителя погрузчика? В этом случае умений может не быть, а мечта останется. Пружина будет потихоньку сжиматься и, достигнув предела, «выстрелит». Толчком может быть все, что угодно, – от травмы черепа до семейной ссоры. Например, жена сгоряча ляпнула: «Ты ничтожество! Ты ни на что не способен!» – а пружина возьми, да и распрямись – способен, еще как способен! На все, что угодно,

вплоть до убийства! До нескольких убийств! А чтобы хоть как-то прикоснуться к своей мечте, обставляю убийства в «кулинарном» стиле. Вариант? Почему бы и нет?

Шизофреник Зинин, наблюдавшийся у Савелия некоторое время, задушил в лифте соседку, с которой у него не было никаких конфликтов. Свой поступок объяснил сходством женщины с его покойной матерью, которую Зинин рьяно ненавидел. Не один год рядом жил, а тут вдруг сообразил насчет сходства, возненавидел и задушил.

Оказавшись в тупике, Савелий попытался зайти с другого бока – сосредоточился на книге. Почему именно «Книга о вкусной и здоровой пище» пятьдесят четвертого года издания? Не очень современное, можно сказать – устаревшее руководство. Взял ту книгу, которую не жаль испортить? Или это фетиш, своего рода реликвия? Дедушка-повар, скажем, передал дочери, а та – внуку? Или книга хранилась в сундучке любимой бабушки и была унаследована вместе со всем имуществом? Реликвия! Да еще небось с историей. Или куплена была на последние деньги... Или подарена кем-то очень близким. А может, стала призом за победу в каком-нибудь конкурсе...

«Для приготовления ветчины с горошком можно использовать и готовую вареную ветчину. За 3–5 минут до подачи ломтики ветчины залить горячей водой или мясным бульоном и прогреть, не доводя до кипения. На гарнир к ветчине, кроме зеленого горошка, можно подать пюре из шпината, щавеля, гороха или картофеля, а также тушеную капусту или консервированную кукурузу...» Да уж, не шедевр кулинарии эта ветчина с горошком.

Нащупав кончик, можно легко распутать весь клубок, но проклятый кончик никак не желал нащупываться.

– Мало материала, – посетовал вслух Савелий и осекся, чтобы ненароком не накаркать новых убийств.

Процесс мышления забуксовал, и его надо было чем-то простимулировать. Савелий перевел кондиционер на самый мощный режим (прохлада всегда благотворно действует на мозги), сварил кофе и сел думать уже не просто так, а с бумагой и ручкой. Наглядность может способствовать.

Первый лист Савелий разделил напополам вертикальной чертой. Слева написал букву «Б», что означало болезнь, а справа «С» – симуляция.

Отсутствие мотива вписалось в левую часть, небрежность «декораций» – в правую. Наглость, с которой осуществлялись убийства, легла налево, отсутствие более детальных разъяснений замысла убийцы – направо. На этом «пасьянс» забуксовал. Безжалостно смытый лист полетел под стол, а на новом Савелий нарисовал человечка с огромным половником в руке и поставил рядом с ним знак вопроса. Кулинар, Кулинар, а почему ты – кулинар, а не ювелир или, скажем, дизайнер?

Дизайнер? Бр-р-р! Савелий зябко передернул плечами, представив, как может «самореализовываться» маньяк, мнящий себя гением дизайна. Впрочем, зябко стало не от мыслей, а благодаря кондиционеру. Пришлось взять пульт и вернуть агрегат в автоматический режим. Пусть умная машинка сама поддерживает приятную температуру в двадцать один градус Цельсия.

К тому времени, как кофе был выпит, по верхнему краю листа протянулась россыпь звезд, а рядом с человечком появилась широкая плита, вся заставленная разномастными кастрюлями. Наградив Кулинара огромными, завивавшимися кверху усами, Савелий скомкал лист и отправился в гости к первому.

Дальше мучить себя было ни к чему – и так ясно: все без толку. Голова гудела и требовала отдыха, тем более что завтра предстояло выходить в первую смену. Савелий выключил свет, подошел к окну и несколько минут любовался июльской ночью, иначе говоря – созерцал пустую, лишенную автомобилей и пешеходов Стройковскую улицу, названную так не в честь очередной стройки века, а в честь какого-то большевика, то ли вовремя оказавшегося в нужном месте, то ли не вовремя это место покинувшего. И попутно размышлял о том, какое кино посмотреть на сон грядущий. По уму следовало пересмотреть «Семь», «Три ключа» или того же «Парфюмера», авось «тематические» фильмы и настроили бы мозги на нужную волну, но Савелий остановил свой выбор на старой доброй «Кавказской пленнице», виденной-перевиденной десятки раз, но до сих пор не приевшейся.

До конца не досмотрел, заснул в момент «вакцинации», которую Шурик и Эдик проводили на даче товарища Саахова (вот она – волшебная сила искусства в чистом, незамутненном, виде), и проснулся около двух часов ночи. Выключил

телевизор и снова заснул.

Виталик позвонил на пять минут раньше будильника.

– Спишь. – Тон его был весьма зловещим. Словно со вчерашнего дня сон стал тяжким преступлением. – А у меня новость – третий труп на складе. Водитель погрузчика Шарабчиев, сорок два года, убит ударом разводного ключа по голове. Труп завернут в упаковочную пленку. В листе из нашей книги о вкусной пище обведен красным рецепт...

– Голубцов! – догадался Савелий.

– Хорошо соображаешь, – похвалил Виталик. – Ты сегодня вечером дома?

– Дома.

– Может, заскочу к тебе, если получится, – обнадежил Виталик и добавил: – А вот то, что ты все вечера дома проводишь, – это плохо. В твоём возрасте надо по клубам тусить, чтобы было потом чего вспомнить.

– Возраст у нас с тобой одинаковый, – осторожно заметил Савелий.

– Ну, ты сравнил! – хмыкнул брат. – Я как минимум на десять лет старше.

– Виталь, ты головой ни об что сегодня не ударялся? – поинтересовался Савелий.

– Только коленом! – хохотнул брат. – Советы заглянуть в паспорт можно оставить при себе, я просто намекал на то, что при моей работе год жизни идет за три. Вот ты еще спишь, радужные сны видишь, а я уже работаю. И буду работать до позднего вечера...

– Молодец, – похвалил Савелий. – Возьми с полки пирожок!

Карщик Шарабчиев был человеком простым и очень этим гордился.

– Я человек простой, – чуть что, начинал он, – и скажу вам по-простому...

К Шарабчиеву на складе привыкли и лишний раз старались его не задевать. Знали – если развоняется, то надолго. Как карщик, он, впрочем, всех устраивал – опытный, аккуратный, непьющий, всегда готов подработать сверхурочно или выйти в дополнительную смену. Но попробуй ему недодай того, что положено, – заключает.

– С твоим характером, Наиль, надо было не карщиком, а юристом становиться, – сказал однажды главный инженер Мурадян после получасовой дискуссии, касающейся перехода на новые нормы. – Въедливый ты очень.

– Я – человек простой, мне в юристах делать нечего, – обиделся Шарабчиев, но долго потом рассказывал всем и каждому, что руководство складского комплекса ценит его не только за профессионализм, но и за ум.

– Акопович мне так и сказал – поступай на заочный юридический. Окончишь, возьмем тебя юристом, будешь с договорами работать.

Особенности характера и убежденное неприятие алкоголя мешали товарищам по работе дружить с Шарабчиевым. Он жил сам по себе – пришел, отработал, ушел. То, что у Шарабчиева есть жена, трое детей и больная мать, знали только благодаря его вечной фразе: «У меня мама болеет, жена не работает, детей трое, а вы мне недоплатили!»

– Шарабчиев – человек в футляре, – говорил старший кладовщик Фураев.

– Рано мне еще в футляр! – огрызнулся неначитанный Шарабчиев. – И вообще нам гроб не положен...

Фураев в объяснения не вдавался, знал, что Шарабчиева не переговорить и не переубедить. Раз уж решил, что речь идет о гробе, то мнения своего не изменит, хоть кол у него на голове теши.

В последний свой день Шарабчиев переработал. Под самый конец смены пришла фура с детскими соками, которую по каким-то неведомым Шарабчиеву причинам следовало разгрузить как можно быстрее, вот его и попросили остаться «на усиление» дежурных карщиков. Просьба была подкреплена пятисотенной купюрой, негласной «премией» от водителя фуры. Пришлось звонить домой и предупредить, что сегодня он вернется поздно. Опаздывать без звонка нельзя. Мать начинала волноваться, воображать всякие ужасы, накручивала жену, могло и до сердечного приступа с вызовом «скорой» дойти.

«Вот если бы все были такими понятливыми, – думал Шарабчиев, – заезжая на каре в зарядную. – Надо тебе, чтобы я переработал, – простимулируй. У нас же товарно-денежные отношения – ты мне платишь деньги за то, что я разгружаю твой товар. Что такое для фирмы пятьсот рублей? Тьфу – мелочь! А для рабочего человека это совсем не мелочь».

Подсоединив батарею к зарядному устройству, Шарабчиев направился к дверям. Человека, спрятавшегося за выступом вентиляционного короба, он не заметил, но, почувствовав движение за спиной, резко отпрянул в сторону. Обернулся, увидел нападавшего и от удивления застыл на какое-то мгновение, которого хватило для того, чтобы второй удар попал в цель. Тяжелый разводной ключ проломил Шарабчиеву голову. Звонкий костный хруст дал понять, что третьего замаха не понадобится.

Шарабчиев издал звук, отдаленно напоминавший всхлип, и мешком рухнул на пол. Убийца отшвырнул ключ и направился в дальний угол, где стоял тонкий рулон пузырчатой упаковочной пленки. Он расстелил пленку на полу возле трупы и без особых усилий закатал в нее тщедушного Шарабчиева так, что наружу остались торчать только ступни в разношенных рабочих ботинках. Действовал убийца быстро, ловко, не суетясь. Глядя на него можно было подумать, будто он всю жизнь только тем и занимался, что упаковывал трупы в пленку.

Бросив на пол вырванный из книги лист, убийца снял резиновые хирургические перчатки, сунул их в задний карман брюк и вышел из зарядной, толкнув дверь плечом.

* * *

Третий рецепт Кулинару

«Голубцы мясные

Мясо пропустить через мясорубку, крупу отварить, охладить и смешать с измельченным мясом, добавив мелко нарезанный, слегка поджаренный лук, а также соль и перец. Одновременно цельные листья капусты проварить в кипящей воде 5–7 минут, вынуть из кипятка, охладить, разложить на столе, отбить аккуратно стебли до толщины листа, положить фарш (мясо с крупой и луком), завернуть в виде колбасок, обжарить на сковороде и сложить в кастрюлю. После этого влить на сковороду сметану, томат-пюре, стакан воды, добавить муку, вскипятить, посолить, залить голубцы и поставить их тушить под крышкой на слабом огне (или в духовом шкафу без крышки) на 30—40 минут. Подать в соусе, в котором голубцы тушились, посыпав укропом или рубленой зеленью петрушки.

Голубцы можно приготовить без сметаны – в этом случае томата-пюре берется несколько больше.

На 300 г мяса (мякоти) – 800 г капусты белокочанной, 1/2 стакана крупы (рис, пшено, перловая крупа), 1 головка лука, 1 ст. ложка муки, по 2 ст. ложки томата-пюре, сметаны и масла».

5

– Чем дальше, тем запутаннее! – сетовал Виталик. – Если кадровик и сын замдиректора еще как-то укладывались в рамки, то этого Шарабчиева к ним никак не прицепишь! Ломает систему!

– А что за система-то была? – не без ревности поинтересовался Савелий.

– Да так, – поморщился Виталик. – Думал, вдруг первые два убийства были мезью администрации комплекса. Замдиректора кого-то решил наказать или даже уволить, а кадровик документы готовила. Вот им и отомстили. Но каким боком здесь водила Шарабчиев, я в толк взять не могу. Все в один голос говорят, что убитый был дятлом, но не вредным...

– Расшифруй, – попросил Савелий. – Что есть «невредный дятел»?

– Человек, который любит выедать окружающим мозг, но зла не делает. Не подставляет, не гнобит, ям никому не роет. «Дятел» – это вообще-то на сленге значит «зануда», разве ты не знал?

– А что вы на складе делаете? – спросил Савелий и, предвосхищая односложно-агрессивное «работаем», пояснил: – Кого ищете? Кем интересуетесь в первую очередь?

– Недавно уволившимися, – начал загибать пальцы на правой руке Виталик. – Они могут по старой памяти пройти на склад без предъявления паспорта, и, вообще, такое поведение было бы хоть как-то объяснимо – уволиться и начать мстить. Теми, кто учился на повара или работал в общепите, интересуемся. Перелопатили все трудовые книжки, выявили восемь мужчин. Но у семерых хотя бы на одно из первых двух убийств есть железобетонное алиби, а восьмому скоро стукнет семьдесят пять, и он такой из себя немощный, что представить его с битой в руках невозможно.

– А что немощный человек делает на складе?

– Не поверишь, – расплылся в улыбке Виталик. – Работает инженером по охране труда и технике безопасности.

– Ух ты! – не смог сдержать удивления Савелий.

– А что тут такого? – в свою очередь, удивился брат. – Работа паршивая. Кому охота отвечать за все несчастные случаи? А они на складе не такая уж и редкость. Вечно в беготне, вечно в пререканиях. Тут не до выбора, кого нашли – тот и сгодился. Поинтересовались теми мужиками, которые любят готовить. Но таких не нашлось. Главный инженер оказался страстным шашлычником, но шашлык – это просто мужское хобби. Котлеты и голубцы явно не по его части.

Так что с этой стороны – провал. —

Виталик разогнул пальцы. – Сейчас дружно работаем в другом направлении. Ищем тех, кто состоял на учете у твоих коллег и скрыл сей факт биографии. Адский, надо сказать, труд. Я почему-то думал, что у вас есть единая база данных по учетному контингенту. Если не по всей России, то хотя бы по Москве и Московской области.

– Увы, – Савелий развел руками, – хочешь выяснить – шли запрос в диспансер по месту постоянной регистрации. Пока так, но в недалеком будущем нам обещают единую базу...

– Знал бы ты, что нам обещают в недалеком будущем, – многозначительно сказал Виталик. – Все обещают и обещают... Ой, совсем забыл!

Виталик хлопнул себя ладонью по лбу, вскочил и направился в прихожую, где на вешалке оставил свою сумку. Вернулся с новыми фотографиями.

– Поскольку индивидуальность преступника больше ничем не проявляется, ответ надо искать здесь, – сказал он, передавая фотографии Савелию.

– Волга впадает в Каспийское море, – продолжил Савелий. – Солнце встает на востоке, в Москве сегодня жарко...

– Ты не умничай, – перебил Виталик, – ты лучше дай психологический портрет преступника...

– Вместе с адресом.

– Можно и вместе с адресом, а потом уже умничай сколько захочется.

Труп на фотографии выглядел как-то по-клоунски или, скорее, по-киношному – рулон, из которого торчат ботинки.

– Интересно – на ботинки у него пленки не хватило или они что-то значат? – подумал вслух Савелий.

– Мог бы и ботинки прихватить, если б хотел, – пожал плечами Виталик. – Там, в зарядке, еще два початых рулона стояли. Может, просто торопился.

Савелий перешел к фотографиям листа с рецептами. Гуляш из говяжьего сердца или вымени, голубцы мясные, долма... Рецепт голубцов обведен красным. А если бы он выбрал гуляш из сердца? Вскрыл бы тогда грудную клетку? Нет, не дурак, понимает, что надо выбирать, сердце так вот просто, да еще и без специальных инструментов, из груди не вырежешь. Провозишься да в крови измажешься. Это тебе не труп в пленку закатывать.

– Он не дурак... – вслух сказал Савелий.

– Это хорошо, скорее поймем. Умные предсказуемы, их ловить легче. Я тебе так скажу – третье убийство подтвердило, что преступник убивает бессистемно. В цепочке «сын заместителя директора – сотрудница отдела персонала – водитель погрузчика» нет никакой связи. И к тому же Шарабчиев в день своей смерти остался на переработку, чего наперед никто предсказать не мог. И то, что он будет ставить кар на зарядку, тоже никто не мог предсказать, он же его не каждый день ставил, а только по мере необходимости.

– Убийца мог элементарно следить за ним, – возразил Савелий. – сотруднику склада несложно это сделать.

– Так-то оно так, – вздохнул Виталик, – но чует мое сердце, что убивает он бессистемно. Пришел – увидел – убил – ушел. Неуловимый мститель. На момент смерти Шарабчиева на территории склада было девяносто два сотрудника и четырнадцать человек посторонних. Всего-то!

– Но ведь кого-то можно исключить?

– Женщин, всех посетителей, которые не были на территории во время двух предыдущих убийств, охранников у входа, которые постоянно были в поле зрения камер. Остается семьдесят пять человек, к тому же на складе учет прихода и ухода сотрудников ведется вручную, карточек на входе-выходе отмечать не надо, поэтому цифры условны. При желании любой сотрудник мог задержаться, отсидеться где-нибудь в тени, убить и уйти домой. А мог и не уходить никуда – поспать там, где отсиживался, и утром сделать вид, что только пришел на работу. Камеры-то на вахте хреновенькие, когда толпа прет, опустив

головы, каждого не идентифицируешь, можно только по головам считать, не более того. Короче говоря, подозревай всех – не ошибешься.

– Это вообще очень перспективный метод, – одобрил Савелий. – Если подозревать всех, то ни за что не ошибешься, потому что преступник непременно окажется в числе подозреваемых.

– Ты по ходу дела усваиваешь азы оперативного мышления, – хохотнул брат и, увидев, что Савелий поднес фотографию поближе к глазам, спросил: – Углядел что-нибудь?

– Прикольные консервы, называются «Кисло-сладкое мясо», – ответил Савелий и зачитал вслух: —

«Консервы «Кисло-сладкое мясо» – очень вкусное готовое блюдо; оно приготовлено из первосортного мяса, коровьего масла, фасоли или чернослива, томата-пюре, муки пшеничной, лука, соли, сахара, моркови, петрушки, чеснока, специй, красного вина и уксусной эссенции...»

– Фигня какая-то, – высказался Виталик.

– «Мясо режут на ломтики толщиной десять миллиметров, – продолжал Савелий, – кладут на восемь суток в маринад, после чего его проваривают, укладывают в банки, заливают соусом (томат-пюре, вино, сахар, масло, мука)».

Виталик брезгливо поморщился.

– «Консервы эти готовят в двух видах – с фасолью или с черносливом!» – добил его Савелий.

– Послушай, а почему ты меня ничем не кормишь? – с ехидцей спросил брат. – Я же все-таки прямо с работы к тебе приехал. На дефлопе с крутоном я не надеюсь, но на яичницу рассчитываю.

– Извини. – Савелий положил фотографию на стол и поспешил к плите.

– Желательно на сливочном масле и сыру от души настрогать! – высказался вдогонку Виталик. – И кетчупом, кетчупом полить не забудь...

Чисто из вредности Савелий немного извратился с кетчупом – полил яичницу фигурно, написав на ней «Виталя-обжора».

Мог бы написать что угодно или вообще ничего не писать, потому что голодному Виталику было не до подобных «изысков». Пока он уминал яичницу, по обыкновению, помогая вилке не ножом, а куском хлеба, Савелий изучил оставленный преступником лист с другой стороны. Тушеное говяжье сердце, гуляш из легких, в колонке написано про купаты и кебаб.

– А вдруг все дело в колонках? – предположил Савелий. – Вдруг рецепт – это только для отвода глаз или усложнения загадки? Тогда ясно, почему убийца выбрал именно эту книгу, мало где помимо основного текста есть такие колонки.

– И что же он хочет сказать? – Виталик на секунду отвлекся от яичницы. – Что кисло-сладкое мясо – вкусное блюдо? Нет, тут что-то другое, нутром чую...

6

– Я догоняю ее, хватаю за волосы, рывком притягиваю к себе и ножом по шейке – чик! Шейка у нее тоненькая... Видели бы вы ее шейку, это же не шейка, а что-то! Раритет, шедевр... Нежная, алебастровая, нет – мраморная, да – мраморная, с прожилочками... Она вся вообще как мраморная статуэтка, моя Иришка... Я ее поначалу «ириской» называл, когда что-то ласковое хотел сказать, она так злилась прикольно, глазками сверкала бесстыжими...

Надо же – «шейка», «раритет», «мраморная», да еще и «с прожилочками»! В любой душе, даже самой суровой, казалось бы, огрубевшей до предела (красивее звучало бы «огрубевшей до беспредела», красивее, но неверно, потому что предел есть всему и всегда), так вот, в любой душе всегда таится искорка нежности. И много чего еще таится...

– А откуда взялся нож, Сергей Леонидович?

– Из кармана, – немного удивленно ответил пациент. – Я, знаете ли, в рабочем поселке вырос, там без ножа – никуда. Зачморят, загнобят. Поселок наш снесли давно, а привычка ходить с ножом осталась...

Не вставая с кушетки, Сергей Леонидович сунул правую руку в карман брюк.

– Вот! Ручная работа.

Резкий щелчок заставил Савелия вздрогнуть.

– Мастер делал, – уважительно сказал Сергей Леонидович, касаясь выскочившего лезвия подушечкой большого пальца. – Штучная работа. Жало гибкое, на ребро наткнется – не сломается, точится в два взмаха, заточку держит долго. Я им как-то раз побрился на спор...

Сергей Леонидович – бизнесмен средней руки. Из тех, кто слово «деньги» произносит с оттенком пренебрежения, а слово «олигарх» – с придыханием. Бизнес у него какой-то мутный, в духе современности. То ли торговля буровым оборудованием, то ли сдача этого оборудования в аренду, то ли его обслуживание, короче говоря – при доходном, нефтяном, деле человек, можно только позавидовать. К Савелию он попал по рекомендации одного давнего пациента, знакомого еще по Корсаковке. Без рекомендации Савелий с таким гамадрилом ни за что бы не согласился работать, сославшись на занятость, и отправил к участковому психиатру. Одним из главных преимуществ врача кабинета социально-психологической помощи при кризисных состояниях является относительная свобода выбора пациентов. Относительная, ограниченная определенными рамками, но все же – свобода.

Савелий предпочитал иметь дело не столько с перспективными (как ее наперед оценишь, перспективу-то?), сколько с интересными случаями. На интересных случаях и совершенствуется мастерство. Интересный пациент подобен лабиринту с множеством дверей. Подобрал не торопясь (спешка и психиатрия совместимы примерно так же, как лед и пламень) ключик, открыл одну дверь и начал примериваться к другой. И так до тех пор, пока все двери не будут открыты. Или пока пациентам не надоест и у них не иссякнет желание общаться.

Сергей Леонидович относился к числу не очень интересных пациентов. Не лабиринтом с дверями был он, а тяжелым, грубо сработанным, но крепко сколоченным сундуком, запертым на большой амбарный замок. Вроде бы на первый взгляд и не подступишься, а на самом деле здесь и ключ подбирать не надо, время попусту тратить, потому что такие примитивные замки легко открываются любой отверткой. Разогнутая канцелярская скрепка тоже подойдет. Одно слово – гамадрил. Узколобый, плосколицый, звезд с неба не хватающий, но при всем том донельзя самодовольный. Сразу же после знакомства предложил «посидеть в неформальной обстановке», чтобы «расслабиться и получше узнать друг друга». Обычное дело – пациенты часто пытаются завести дружеские, а то и любовные отношения с докторами. Савелий тактично, чтобы не обидеть явно склонного обижаться человека, объяснил вред подобного развития отношений между врачом и пациентом. Табу распространяется не только на секс, но и на неформальные встречи, приятельство, дружбу. Сергей Леонидович вроде как понял или только притворился, что понял, но больше попыток к «сближению» не делал.

– Разрешите?

Савелий не стал протягивать руку первым, потому что тогда бы просьба выглядела как приказ. Сергей Леонидович подал нож галантно – рукояткой вперед, перехватив за лезвие.

Нож был красив. На рукоятке – деревянные накладки в виде оскалившегося барса, по отполированному до зеркального блеска лезвию вытравлен узор, навевающий мысли о томных изгибах женского тела. Действительно – штучная работа и сразу видно, что мастер делал. Не ремесленник, художник.

– А механизм-то какой! – продолжал нахваливать пациент. – Качественная «выкидуха» – это большая редкость, их мало кто делать умеет. Нажмите кнопку...

Кнопку Савелий нажимать не стал, вернул нож владельцу. Так же галантно, как и получил, – рукояткой вперед. Тот подышал на лезвие, протер его галстуком (для чего еще нужны шелковые галстуки ручной работы, как не для протирки лезвий?), осмотрел, повторил процесс, еще раз осмотрел... Савелий терпеливо ждал, заодно и кое в каких выводах окончательно утвердился. Когда же нож наконец-то был убран, доктор мягко напомнил:

– Сергей Леонидович, во время первой встречи мы говорили о правилах нашего общения, в том числе и об откровенности...

«Я с тобой предельно откровенен, – читалось во взгляде пациента. – Самым, можно сказать, интимным делюсь. Куда уж дальше?»

– Наше общение строится на принципе взаимного доверия и взаимной открытости, иначе в нем нет никакого смысла. Если вы хотите, чтобы я вам помог, вы должны говорить мне все, иначе у меня сложится неправильное представление о вас и ваших проблемах и никакой помощи не получится. Говорить все означает действительно говорить все, Сергей Леонидович...

Пациент слушал не перебивая, а поначалу, помнится, обрывал едва ли не на каждой фразе. Савелий не делал замечаний, замечания – это непрофессионально, не способствуют они взаимопониманию, скорее наоборот, осложняют. С готовностью умолкал, внимательно слушал пациента, давая тому выговориться по полной, затем продолжал, если, конечно, оставалась необходимость договорить недосказанное. Пациенту должно быть комфортно. Раз кому-то из пациентов нравится перебивать врача – пусть перебивает на здоровье, главное, чтобы не молчал. Молчащий пациент, которому якобы нечего сказать, – вот это кошмар, ужас, летящий на крыльях мрака. Избавиться от проблемы нам хочется, а рассказать о ней мы не можем, то есть не хотим. Дохлый номер с выходом на нулевой результат.

– ...а вы мне про нож ничего не сказали, несмотря на то что я просил ни в коем случае не приходить на прием с оружием.

Человек с оружием в кармане имеет преимущество перед безоружным собеседником. Оружие дает своему владельцу чувство некоей защищенности, а пациент с психиатром должны общаться на равных. Строго на равных. Да и вообще, всякое во время сеанса может случиться, иной раз бессознательное может так откликнуться, что рука сама к спусковому крючку потянется. Долго ли до греха. В прошлом году в шестом диспансере пациент так разволновался во время приема, что выхватил из подмышечной кобуры травматический пистолет и выстрелил врачу в лицо, можно сказать в упор. Был доктор – и нет доктора. Поэтому некоторых пациентов лучше сразу предупреждать о запрете на оружие. Не всех, конечно, а именно некоторых, таких вот энергичных мужчин, как Сергей Леонидович.

В белесых, каких-то совсем стариковских глазах Сергея Леонидовича мелькнуло изумление.

– Оружие? – Тонкие губы растянулись в улыбке, отчего рот стал похож на длинную ровную прорезь. – Вы шутите, доктор? Это же так, сувенир, мальчишечья радость. Годится только карандаши точить...

Лезвие у «сувенира» было совсем не сувенирным, сантиметров пятнадцать, если не больше. Многовато для заточки карандашей.

– Есть ли смысл грузить вас такими мелочами, отнимать драгоценное время?

Молодец, Сергей Леонидович, хорошо изворачивается. Чувствуется старая закалка. Как говорится – «из обвиняемых, да сразу в прокуроры».

– В нашем с вами общении нет мелочей, Сергей Леонидович, – напомнил Савелий, – и об этом мы уже говорили. Ваша задача – рассказывать мне все, что вас беспокоит. Все-все, без исключения. Только так я смогу разобраться в вашем внутреннем мире и помочь вам. И не пытайтесь судить о том, что важно и что не важно, выкладывайте все, как есть. Вы помните, о чем мы договаривались?

– Помню.

– Тогда давайте будем впредь придерживаться политики максимальной откровенности, договорились?

– Договорились, – пробурчал Сергей Леонидович.

– Если вы не хотите мне о чем-то рассказывать, то вас, разумеется, никто не обязывает это делать. Но тогда мы просто прекращаем работать. Прошу понять меня правильно. С моей стороны было бы аморально продолжать вести вас, заведомо зная, что помочь я вам ничем не смогу...

О сопротивлении еще дедушка Фрейд[3 - Зигмунд Фрейд (1856—1939) – австрийский врач, ученый, психолог, психиатр и невролог, основатель терапевтического направления в психологии – психоаналитической школы, теории, согласно которой невротические расстройства человека вызваны

сложным взаимоотношением бессознательных и сознательных процессов.] писал. Он почти обо всем успел написать, хотя бы понемногу. Казалось бы, парадокс – пациент добровольно обращается к психоаналитику или психиатру, разница не очень существенная, просит помощи, тратит на лечение свое силы, время и деньги, всячески демонстрирует заинтересованность в успехе и... на протяжении всего цикла упорно этому самому лечению сопротивляется.

На самом деле в сопротивлении пациента нет ничего парадоксального. Он действует в интересах своей болезни. У каждого свои резоны – кто-то «убегает» в свою болезнь, свыкается с ней, кто-то шантажирует болезнью близких или как-то иначе извлекает из нее выгоду. «И хочется, и колется», – говорят о подобных ситуациях в народе. С одной стороны, надо бы избавиться от болезни, а с другой – она дает кое-какие преимущества. Опять же есть вещи, которые не хочется затрагивать даже в самом откровенном общении. Подобное раздвоение крайне отрицательно сказывается на психике, иначе и быть не может.

– Если мы продолжаем, то я прошу вас впредь приходить на сеансы без какого-либо оружия. Вы можете оставить нож в машине...

– Но мне без него некомфортно, – перебил Сергей Леонидович.

– Плохо, – вздохнул Савелий. – Плохо у нас с вами все складывается. Сами посудите, ну что это за контакт, если вы ко мне в кабинет без ножа в кармане зайти не можете?

– Привычка, как известно, вторая натура.

Чем меньше ума у человека, тем с большим апломбом изрекает он прописные истины.

– Я понимаю, – кивнул Савелий. – А что, если мы поступим так – во время следующей встречи поговорим об этой вашей привычке? Приносите нож, мы положим его вот сюда на стол, – Савелий постучал пальцем по столешнице, – и поговорим о нем. Ведь есть же какие-то страхи, побуждающие вас постоянно иметь при себе нож. А сейчас, если вы не против, давайте вернемся к вашему сну. Итак, вы догнали убегавшую от вас супругу и перерезали ей горло. А что было дальше?

Семейные неурядицы и послужили причиной обращения Сергея Леонидовича к Савелию. Неладно как-то получилось – сменил Сергей Леонидович старую, давно опостылевшую ворчунью на юную хохотушку, а все проблемы остались теми же. Будто и не менял жен. Те же самые претензии, те же самые упреки, те же самые скандалы, та же, как выразился Сергей Леонидович, «тоска зеленая», то есть стойкое депрессивное состояние. И это вместо ожидаемой радости! Когда депрессия усилилась настолько, что начали появляться суицидальные мысли «а нужна ли она, такая безрадостная жизнь?», Сергей Леонидович заволновался (вот он, классический пример двойственности – и жизнь не радует, и смерть пугает) и обратился за помощью. И правильно сделал – без квалифицированного психиатра-психотерапевта ситуация вряд ли бы разрулилась сама собой. Скорее – наоборот.

В депрессии не было ничего удивительного. Меняя жен, сам Сергей Леонидович оставался прежним, вот все и повторялось по принципу «там же, тогда же». Пациенту, желавшему перемен в своей жизни, в первую очередь следует измениться самому. Савелий это понимал, оставалось сделать так, чтобы необходимость перемен осознал Сергей Леонидович. Это довольно долгий процесс, психотерапия вообще дело долгое, а Сергей Леонидович торопился, жаждал немедленных результатов, уже на второй прием собрался прийти с женой, наверное, ожидал, что Савелий, как это принято говорить, «вправит ей мозги». Пришлось разочаровать, до беседы с обоими супругами было еще далеко. С глазу на глаз Савелий бы пообщался с женой Сергея Леонидовича, было что спросить у нее, но против этого стал возражать пациент. Что ж, хозяин – барин.

Во время прошлой, пятой по счету, встречи Сергей Леонидович дважды поинтересовался, «когда закончится вся эта бодяга», как будто Савелий мог ответить на этот вопрос. Сегодня пациент выдал домашнюю заготовку про сон. По поведению, по манере изложения видно было, что сон выдуман от начала до конца. Савелий давно уже научился понимать, когда пациенты врут, а когда говорят правду. Научиться бы еще определять истину по лжи.

Заготовка явно была предназначена для того, чтобы «подстегнуть» Савелия. «Смотри, ты тут из пустого в порожнее переливаешь, про давно позабытое детство меня расспрашиваешь, а я ведь до крайности уже дошел, если мне такие сны снятся. Еще немного, еще чуть-чуть – и я ее наяву прирежу! Грех поделим пополам».

Не самый приятный пациент Сергей Леонидович, увы.

– Сначала меня охватила радость, – забубнил Сергей Леонидович. – мол, на этот раз я победил, оставил за собой последнее слово, как положено мужику. Но очень быстро радость сменилась ужасом. Как же, думаю, я мог так поступить? Просыпаюсь, а она рядом лежит, губками чмокает. Такая милая. Она, когда спит, очень милая, аж дух захватывает. И когда молчит, тоже милая... иногда мне кажется, что в ней живут два человека.

– А в вас?

– Во мне всегда один, что я, шизофреник, чтобы раздвоением личности страдать?

Если пациент уходит в глухую оборону, общение пора прекращать. Пусть отдохнет, осмыслит, определится... А тут и время очень удачно подошло к концу. Простились ровно, можно сказать – дружелюбно. Сергей Леонидович, правда, поинтересовался, почему Савелий не дает ему никаких тестов. Савелий ответил, что это совсем ни к чему, но в объяснения пускаться не стал.

Проводив Сергея Леонидовича, Савелий подошел к распахнутому окну – освежиться. Кондиционеры были установлены только в кабинетах администрации диспансера, до прочих то ли руки не доходили, то ли средств было мало. Думая о своем, он равнодушно созерцал привычный городской вид, который благодаря росшему перед окном раскидистому клену, был городским не на все сто процентов. Мысль обозначила себя, но никак не хотела додумываться до конца. То обстоятельство, что пациент Сергей Леонидович привык расхаживать с ножом в кармане, не имело никакого отношения к убийствам на складском комплексе (Сергей Леонидович скорее всего и не знал о таком складе), но какая-то неуловимая связь здесь все-таки присутствовала.

– Устали? – участливо спросила медсестра Зинаида Александровна.

– Не очень, – ответил Савелий, слегка досадуя на то, что его отвлекли от размышлений.

– А я страшно устала! – прочувственно сказала медсестра. – Страшно! В такую жару при моей комплекции...

Дальше Савелий уже не слушал, уцепился за ключевое слово и додумал мысль до конца. Страх может жить в каждом из нас. Собственно говоря, у каждого человека есть какие-то страхи, всяк чего-то да боится. Сам Савелий боялся прожить жизнь в одиночестве, боялся тяжелых болезней, боялся лихачей на мотоциклах, не опасался, а именно – боялся. А у Сергея Леонидовича немного другие страхи – он носит нож для самообороны. Не так уж и глупо, как кажется на первый взгляд. Пистолет, конечно, посерьезнее, но он тяжелее, заметнее, шумнее и не всегда может помочь на очень близком расстоянии. А так – пырнул противника ножом и убежал.

«Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь, – говорит Кириллов у Достоевского и добавляет: – Страх есть проклятие человека»[4 - Ф. М. Достоевский, «Бесы»]. Да, проклятие, лучше и не скажешь.

И на складе у кого-то может быть Страх. Огромный, но тщательно скрываемый. Есть тайна, которую человек тщательно скрывает, но тем не менее кому-то из окружающих она становится известна. Скорее всего – совершенно случайно, больно уж разный статус у убитых. Сын совладельца, офисная труженица, водитель погрузчика – эти люди никогда не объединялись в рамках одной компании, одного круга. Склад – вот все, что их объединяет.

А ведь это не так уж и сложно – ограничить круг людей, с которыми преимущественно контактировали убитые... Нет, не пойдет. А вдруг они что-то заметили мимоходом? Тут никакого круга не ограничишь. Вот если бы можно было побывать на складе... Например, устроиться на работу грузчиком и... Мечтать не вредно, но грузчик из Савелия никакой, это раз, отпуск ему сейчас главный врач не даст, это два, и вообще главное можно понять и на расстоянии, оперируя теми данными, которые в состоянии предоставить и Виталик. Стоит догадаться, почему убийца поступает именно так, зачем он оставляет рецепты из старой кулинарной книги, стоит понять систему и ход его мыслей, как полдела можно считать сделанным. А начинать надо с того, что убийца чего-то боится.

В отношении психического здоровья убийцы у Савелия имелись определенные сомнения. Тот с равной вероятностью мог быть нездоров психически или здоров, «кулинарное» оформление убийств могло оказаться простой маскировкой, попыткой направить следствие по ложному пути. Однако убивал он не кого придется, а явно тех, кого хотел убить, тех, кто мешал или представлял какую-

то опасность. Сын замдиректора и водитель погрузчика были убиты в относительно малолюдных местах, «удобных» с точки зрения убийцы. А вот убийство сотрудницы отдела персонала было сопряжено с огромным риском быть замеченным. Что это все-таки? Наглость? Вызов обществу? Запугивание? Или же просто необходимость срочно избавиться от Луковской, но за пределами склада убийце было бы сложнее это сделать. А почему сложнее?

- Голову сломать можно, - вырвалось у Савелия по пути от окна к столу.

- Это точно, доктор, - подхватила Зинаида Александровна. - С народом тяжело работать, с одними бумажками куда легче.

...- Какие пробки!.. И день сегодня магнитный!.. Чуча даже проводить меня не вылезла!.. Я так боялась опоздать, а тут еще из поликлиники позвонили!.. Одно к одному!

Серафима Семеновна. Пятьдесят семь лет. Профессор кафедры всеобщей истории гуманитарного университета. Жизненные интересы вращаются вокруг сына-дипломата, йоркширского терьера Чучи (полное имя Чиччолина Жюли Бьютифул Дрим - вот как!) и бронхиальной астмы. С помощью Савелия Серафима Семеновна пыталась избавиться от склонности к переживаниям, точнее - от привычки вгонять себя в стойкую депрессию воображением всяких ужасов.

Хорошая пациентка Серафима Семеновна, «отзывчивая», контактная, проблем с ней никаких - одно удовольствие от работы. Уши, правда, слегка закладывает от такого удовольствия, но громогласие у Серафимы Семеновны профессиональное, лекторское, никуда его не денешь.

Последним на приеме был Борис Яковлевич, экономист по профессии и мятущаяся личность по жизни. Именно так он представился Савелию при знакомстве.

- Я себе плакатик сделал и над кроватью повесил. Написал черным по белому: «Я никому ничего не должен, и мне тоже никто ничего не должен. Я не обязан объяснять свое поведение. Я имею право на ошибки и сам отвечаю за свои ошибки. Мне безразлично, как ко мне относятся люди».

- Помогло?

- Как-то не очень, - признался пациент.

- И не могло помочь, потому что вы, Борис Яковлевич, писали плакат не для себя, а для жены и сына. А с ними лучше было бы поговорить, а не так вот, эпистолярно...

- Но ведь рекомендуют. В серьезном журнале. «Вестник нестандартной психологии» называется.

- Серьезный - это «Психологический журнал», издаваемый Институтом психологии. Или, скажем, «Вопросы психологии». А то, что вы, Борис Яковлевич, читаете, это, извините меня, белиберда и ересь.

- Но мне ж его специалист рекомендовал, который у нас тренинг по асс... ассе...

- Ассертивности[5 - Ассертивность - уверенность в себе, способность самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него, не попадая в зависимость от внешних влияний и оценок.], наверное.

- Да-да, ассертивности, слово такое, на «ассенизацию» похожее. Так вот он мне и рекомендовал этот самый «Вестник». Сказал, что сам там печатается. Такой представительный мужчина, академик...

Ага, станет вам настоящий академик по фирмам с тренингами бегать, делать ему больше нечего. Очередной самозванец, действительный член какой-нибудь Всемирной академии психического благополучия или же Астральной академии вселенского разума. Борис Яковлевич работает в кредитном отделе крупного банка. Работа не для легковверных, а для въедливых и здравомыслящих. И на тебе - академик, «Вестник», плакат над кроватью. Умора! Интересно бы посмотреть на тренинг по ассертивности, который проводит такой вот «академик». Хотя бы одним глазком...

Виталик на «выводы» Савелия отреагировал холодно.

– Мутно рассуждаешь, – сказал он. – Ни бе, ни ме, ни консоме. А всех убитых мы и так проверяем как следует, через мелкое сито просеиваем, и не раз. Ты и представить не можешь, как иногда при близком рассмотрении меняется впечатление о людях. Вот совсем недавно докторшу из приемного отделения шестьдесят пятой больницы дома задушили с имитацией самоубийства, вроде как повесилась. На первый взгляд – кому только понадобилось ее убивать? Одинокая тетка, двенадцать лет назад переехала из Ташкента. Там продала две квартиры, здесь комнату купила. Жила тихо, скромно, с коллегами и соседями не конфликтовала, какие-то гости иногда приходили... А кокнули и обалдели. Скромная докторша, оказывается, хранила общаковые средства и втихаря давала из них деньги в рост под большой процент. За это ее свои же и придушили. Но до этого же докопаться надо было...

– Или просто комнату тщательно обыскать, – поддел Савелий.

– Савелий, ты что – совсем того? – изумился брат. – Кто ж тебе станет общаковые средства в квартире хранить, тем более – в коммунальной?

– А где их положено хранить?

– Каждый сам решает этот вопрос, – уклончиво ответил Виталик. – Эта, например, рассовала его по банковским ячейкам, а ключи от них держала в тайнике под подоконником. Даже если кто и найдет, то не поймет откуда эти ключи. Что-то умное еще имеешь сказать?

– Имею! – огрызнулся Савелий. – Слово «имеешь» здесь совершенно не к месту. У тебя в школе что по русскому было?

– Три. Ты что забыл, что я был вечный троечник? – хохотнул брат. – Пятерки только по физкультуре, и то благодаря тому, что физрук был нашим соседом.

– Оно и видно, – веско, со значением сказал Савелий и отключился, не прощаясь.

В последнее свое утро Николай Николаевич проснулся в прескверном расположении духа. Причин тому было много – от рабочих проблем (одни убийства чего стоят) до обострившегося со вчерашнего дня геморроя. А тут еще не успел открыть глаза, как заломило затылок. Давление, будь оно трижды проклято, подскочило с самого утра. Николай Николаевич, не вставая, нашарил на тумбочке блистер с таблетками и выдавил сразу две. Одну проглотил (мелкую таблетку можно и не запивать – так проскочит), а другую положил под язык и лежал до тех пор, пока она не рассосалась полностью.

Досталось всем. Кота, сдуру вздумавшего ластиться, Николай Николаевич пнул, жену, пережарившую глазунью, обозвал вороной, а водителя Рому обложил трехэтажным матом за совершенно невинное по московским пробочным меркам пятиминутное опоздание. Рома в ответ начал бить себя в грудь и рассказывать где и сколько он вынужден был простоять. В итоге потеряли еще минут пятнадцать, и на работу Николай Николаевич опоздал, а он этого очень не любил. Директор должен подавать пример подчиненным или хотя бы не давать им повода для сплетен. А то начнутся развал, разброд и шатание. Директор опоздал на работу? Значит, нам и прогулять можно, чем мы хуже его? Ни одна сволочь не обратит внимания на то, во сколько директор уезжает домой, когда в восемь вечера, а когда и в одиннадцатом часу. Но получасовое опоздание будут обсуждать месяцами. Народ вообще считает, что директор ничего не делает, только деньги гребет лопатой, а о том, каково это – обеспечивать бесперебойную работу склада и привлекать клиентов, никто не задумывается. Считают, что это происходит само собой. Как бы не так!

Раздача подарков продолжилась и на складе. Во время утреннего «разбора полетов» досталось всем, за исключением Высоцкого, причем досталось капитально – на повышенных тонах и с угрозами. Заместителю и компаньону выговаривать принародно было неуместно, к тому же у человека огромное горе – единственного сына потерял, поэтому Николай Николаевич ограничился тем, что с глазу на глаз сказал:

– Может, вам отдохнуть немного, Олег Михайлович? А то я смотрю на вас и вижу, что вам не до работы...

Жестко так сказал, стараясь тоном выразить больше, чем словами. Надо докупать штабелеры, надо решить вопрос о ремонте второго корпуса, надо «навести контакт» с новым заместителем префекта... Много чего надо сделать.

– Не хочу я отдыхать, – отмахнулся Высоцкий, – совсем не то настроение. А насчет того, что мне не до работы, вы правы, есть такое дело. Но я возьму себя в руки, нельзя распускаться...

Николаю Николаевичу, при всей его душевной огрубелости, стало стыдно. Уж Высоцкого-то можно было и не шпынять, зря это он сделал.

– Я чисто по-человечески предлагаю, – сказал он, желая сгладить впечатление. – Может, смена обстановки вам на пользу пойдет?

– Работа мне на пользу пойдет! – ответил Высоцкий. – Когда дело делаешь, ни о чем другом не думаешь.

«Кремень!» – восхитился Николай Николаевич и порадовался тому, насколько ему повезло с компаньоном.

Во-первых, разбирается в складском деле, потому что с девяносто первого года крутился в оптовой торговле. А что такое оптовая торговля? Прием, хранение и отгрузка товаров.

Во-вторых, характер у мужика спокойный, без закидонов и прибабахов. С таким приятно иметь дело. Одеядло на себя не тянет, крысятничеством не занимается, через голову не лезет. Правильный мужик, с понятием.

В-третьих, Высоцкий умеет находить общий язык с людьми. С любыми, хоть с замом префекта, хоть с грузчиком. Где надо – церемонии разведет, где надо – матом обложит. Это очень ценное качество.

В-четвертых, Высоцкий хорошо соображает. То и дело предлагает какие-то идеи. Что-то улучшить, что-то перестроить, что-то совсем убрать... И не от балды предлагает, а с предварительными расчетами, которые потом, как показала жизнь, полностью оправдываются. Практик, вдумчивый практик.

В-пятых, человек интеллигентный. Не из бандитов, а из инженеров. Креативный класс, как нынче принято выражаться. Поднялся на компьютерах, потом ушел в торговлю строительным оборудованием, а оттуда уже пришел компаньоном на склад. С интеллигентными людьми дело иметь приятнее, чем с бандитами, они договариваться привыкли, а не «прогибать».

К обеду настроение немного улучшилось. Оперативники не досаждали, вздрюченные с утра пораньше подчиненные старались на совесть, свеча в заднем проходе делала свое благое дело, и вообще жизнь уже не казалась такой поганой. Вернулась пропавшая было вера в то, что все преодолимо, все поправимо, и, вообще, жизнь – она полосатая, черная полоса пройдет, и начнется белая. В сентябре можно будет свалить куда-нибудь на пару недель, хотя бы и в Грецию. И вообще, долой уныние, недаром его называют смертным грехом. Расклеиваться опасно, как расклеишься, так и рассыплешься.

Пообедав в своем кабинете (Николай Николаевич считал, что руководителю его масштаба неприлично и не статусно ходить в столовую), он отпустил секретаршу Марию Андреевну на перерыв, а сам улегся на диване в комнате отдыха, примыкавшей к его кабинету, с намерением подремать полчаса, а то и целый час, если позволят обстоятельства. Лег на бок, поправил под головой подушку и заснул.

У Николая Николаевича была одна заветная мечта – умереть смертью праведных, во сне. Заснуть – и не проснуться, уйти в мир иной без проблем, можно сказать, не заметив, как помер. Будучи человеком мнительным, Николай Николаевич очень боялся инсультов с их беспомощностью и онкологических заболеваний, убивающих не сразу, а долго и мучительно. Легкая смерть – что может стать лучшим завершением долгой хлопотливой жизни? Раз – и все.

Мечта Николая Николаевича почти сбылась – можно считать, что он умер во сне. Хоть и проснулся, но понять, что проснулся, и ощутить боль не успел. Острие шампура было заточено на совесть, поэтому вошло в тело как в масло. Верный глаз и твердая рука убийцы (где вы, герои Фенимора Купера?) обеспечили точное направление удара. Пройдя между ребер, шампур проткнул левое легкое, задел левый главный бронх и вошел в сердце. Прошел его насквозь и остановился, когда острие уперлось в грудину.

Убийца задержался на пару секунд, чтобы полюбоваться алым пятном, расползающимся по белой сорочке жертвы, а потом достал из кармана лист,

свернул его трубочкой и вставил в ушко шампура. Стало казаться, что генерального директора про ткнули гигантским штопором.

Спустя семь минут после ухода убийцы в приемную вернулась Мария Андреевна и продолжила работу. Редактирование новой инструкции по технике безопасности она совмещала с общением в «Одноклассниках». В половине четвертого Мария Андреевна заволновалась – что-то слишком разоспался сегодня Николай Николаевич, все ли с ним в порядке? – и отправилась на разведку...

Первым на ее вопли прибежал главный инженер Мурадян. Увидев заколотого директора, он побледнел, пробурчал себе под нос что-то по-армянски и увел (практически – уволок) Марию Андреевну в приемную, где усадил за стол, погладил по голове и заставил выпить стакан воды. Кто первым придумал, что питье воды успокаивает, и почему ему поверило человечество? Что успокаивающего в этой воде? Да ровным счетом ничего, но люди пьют и успокаиваются, потому что верят. Синдром плацебо.

Вторым явился старший кладовщик Казначеев, главный складской кляузник. Пришел, увидел, выбежал в коридор и начал заполошно орать:

– Николаича убили! Зарезали Николаича!

До прибытия полиции (никого из оперативников, работавших по прежним убийствам, как назло поблизости не оказалось) в директорском кабинете успело побывать не менее полусотни человек. Затаптали пол, захватили лист с кулинарными рецептами, хорошо еще, что никто шампур на память не прихватил.

Какими бы черствыми, грубыми и злыми ни казались люди, в глубине своих душ они не так уж и плохи. Директора, нелюбимого при жизни, жалели и через одного, вздыхая, говорили, что без него «лучше не будет». Оно и верно, многовековая история приучила человечество бояться перемен.

В вечерних телевизионных новостях сообщили, что на «одном из складских комплексов юго-востока Москвы» неизвестные преступники убили четверых акционеров предприятия, в том числе и генерального директора. На самом деле акционером был только директор, но такие нюансы никого не интересовали.

«Кулинарные» подробности журналистам не приглянулись, о них не сообщили ни по телевизору, ни в хронике криминальных новостей газеты «Московский сплетник», где на следующий день появилась коротенькая заметка.

* * *

Четвертый рецепт Кулинара

«Цыпленок на вертеле»

Подготовленную выпотрошенную среднего размера тушку цыпленка промыть, посолить, посыпать перцем, надеть на металлический вертел, продев его наискось тушки (от ножки к крылышку), и жарить над раскаленными углями (без пламени) в течение 20—30 минут. Во время жарения тушку цыпленка надо смазывать сливочным маслом, а вертел поворачивать, чтобы цыпленок равномерно прожарился.

При подаче на стол цыпленка снять с вертела, уложить на подогретое блюдо и загарнировать листиками салата, свежими или малосольными огурцами и свежими или консервированными помидорами.

Отдельно можно подать соус «Ткемали» (см. ниже). Таким же способом можно приготовить рябчика, куропатку и другую мелкую дичь. Куропатку перед жарением надо разрезать вдоль по грудке, не прорезая спинки».

Разговор шел на людях – в пиццерии, поэтому эмоции Виталик выражал не столько голосом, сколько мимикой.

– Что-то пиццы захотелось, – сказал, он, пригласив сюда Савелия, – настоящей, с пылу с жару, а не разогретой. Да и гостеприимством твоим злоупотреблять стыдно.

– Да будет тебе, – упрекнул Савелий, но предложение поддержал.

Чего бы не поесть пиццы, особенно там, где ее умеют готовить. Любимое, можно сказать, блюдо никогда не надоедает. А если какой-то вариант приелся, можно переключиться на другой. При таком-то разнообразии.

В ожидании пиццы пили пиво (безалкогольное, потому что Виталик был за рулем, а Савелию по большому счету градусы в пиве были безразличны, главное – вкус) и обсуждали новость – четвертое убийство на складе.

– Какая разница? – спросил Савелий. – Тебе чем-то заместитель не нравится?

– Дело не в этом, а в том, что у них, директора и заместителя, отстрельный расклад компаньонства. Каждый владеет пятьюдесятью процентами акций, а что это означает?

– Что все вопросы они должны решать сообща, – предположил Савелий. – Или оба согласны или не проходит.

– Это тоже, – кивнул Виталик. – Но в первую очередь они должны мечтать избавиться друг от друга! Потому что каждый висит у другого камнем на шее и каждому обидно. Когда у одного семьдесят пять процентов, а у другого – двадцать пять, тут вроде бы все ясно, у кого больше – тот и рулит, хотя варианты, конечно, могут быть разные. А пятьдесят на пятьдесят – это самый конфликтный расклад, причем парализующий работу при малейшем раздоре. И еще надо учитывать межличностный конфликт. С одной стороны, у нас бывший владелец всего бизнеса, который хотя бы поэтому должен считать себя главнее, а с другой – человек, который вложил в бизнес и тем самым спас его. Он же тоже вправе считать себя ну хоть настолечко, – Виталик показал пальцами насколько, – выше компаньона? Вправе! Плюс разные взгляды на бизнес, как я уже сам понял – покойный директор был консерватором, а его заместитель –

новатор чистой воды. Так что если бы следом за Высоцким-младшим убили бы Высоцкого-старшего, то господин Вергун сидел бы сейчас у нас на Петровке и рассказывал, как ему в голову пришла такая замечательная мысль – убить четверых вместо двоих, чтобы скрыть мотив. И ведь рассказал бы...

– А сейчас у вас, значит, сидит Высоцкий? – спросил Савелий и тут же понял, что сморозил глупость. – Это я не подумал...

– Да, никто не станет убивать единственного сына, чтобы замаскировать убийство компаньона. Тем более что по свидетельству окружающих, а мы опросили не только сотрудников склада, но и соседей Высоцких, между отцом с сыном было полное взаимопонимание, никто никогда не видел и не слышал, чтобы они ссорились. Разве что по работе старший мог младшему замечание сделать, не более того. И жили они вместе – папа, мама и сын, это тоже показатель. При напряженных отношениях сын бы съехал на съемную квартиру или к какой-нибудь бабе.

– Женщине, – поправил Савелий, которого коробило от слова «баба». – Бабы и девки остались в классических романах, сейчас вокруг только женщины и девушки.

– Фурии, гарпии и Медузы-горгоны, – скривился Виталик.

– Если так считать, то вокруг одни фурии и будут, – заметил Савелий. – Кстати, а Лариса твоя к какой категории относится?

– Медуза-горгона, – не раздумывая ответил брат. – Она когда злится, у нее натурально волосы дыбом встают и взгляд становится та-а-акой... Ладно, давай не будем о грустном...

Официант принес заказ – «Маргариту» и сицилийскую с говядиной для Виталика и «Четыре сыра» для не столь голодного Савелия. Несколько минут брат утолял голод, ожесточенно орудуя ножом и вилкой и отрывисто рассуждая насчет того, что вкуснее всего есть руками. Насытившись, Виталик наполовину осушил свою кружку и продолжил:

– Я сегодня пообщался с Высоцким. Мужик в трансе, ему реально страшно. Даже не реально, а конкретно страшно! Убили сына, убили компаньона, завтра и до

него могут добраться. Вот поставь себя на его место...

- Не буду, - отказался Савелий, не понимая, к чему клонит брат, - мне и на моем хорошо.

- Ладно, как хочешь, - не стал настаивать Виталий. - Короче, я сказал ему, так, мимоходом, вроде как к слову пришлось, что у меня есть знакомый психиатр, гениальный корифей...

«Гениальным корифеем» Савелия никогда еще не называли. Да и вообще кого-то так редко называют всерьез, разве что только с издевкой. Но Виталик не издевался, а говорил искренне.

- Видит человека, говорю, насквозь. Доктор Хаус от психиатрии. Это я про тебя, между прочим, если ты еще не понял.

- Я понял.

- Если б, говорю, дать ему возможность поближе познакомиться с сотрудниками, то он в два счета выявит маньяка. Потому что - профи.

- Так уж и в два счета? - скромно усомнился Савелий. - Стоит ли так обнадеживать?

- Ну, пусть в три, - усмехнулся Виталик. - Да какая разница, рано или поздно мы все равно этого гада поймем, но лучше бы, конечно, пораньше. В общем, он попросил узнать, нельзя ли заключить с тобой договор?

- Договор? - удивился Савелий.

- Договор! - кивнул брат. - Регистрируй срочняком индивидуального предпринимателя и заключай с Высоцким договор на оказание консультативных услуг. Стандартная практика. И тебе выгодно - денег заработаешь, и мне поможешь.

- Индивидуального предпринимателя? - переспросил Савелий. - Договор на оказание консультативных услуг? Сложно...

- Что ты тупишь?! - возмутился Виталий. - Все очень просто. Завтра подашь заявление, через пять дней получишь свидетельство, сразу же откроешь счет в банке и поедешь подписывать договор!

- На словах все, конечно, легко...

- И на деле тоже, поверь! Я знаю, что говорю, у меня Лариска недавно индивидуальной предпринимательницей стала! Черт, проболтался! Смотри ей не скажи.

- Не скажу, - пообещал Савелий. - А что она собирается предпринимать, если не секрет?

- Да решила на паях с подругой интернет-магазин открыть. - Grimасой Виталик выразил свое скептическое отношение к начинанию жены. - На паях с подругой. Та делает конфетки из дерьма, а Лариска будет их продавать. Она же у меня прирожденный организатор. Ее бы в Бутырку начальником режима.

- Конфетки из дерьма? - Нет, поистине сегодня был День удивления. Праздник новый такой. - Мумие, что ли?

- Да нет, это я образно. Поделки из бисера и цветных стекляшек она делает - брошки, сережки, колечки, браслеты. Лариска утверждает, что очень стильно получается, от покупателей отбою не будет. Короче - спит и видит себя миллионершей... Ладно, не о ней сейчас речь, а о тебе. Что скажешь?

- Все так неожиданно, - замялся Савелий.

- Жизнь - это непрерывная цепочка неожиданностей, - назидательным тоном сказал Виталик. - Ты не юли, брателло, ты отвечай - согласен или нет?

- Ну, если мне не придется торчать там целыми днями. Я же работаю...

- Не придется. Сделаешь себе свободный график.

- И если оформление не растянется на месяц с гаком...

– Не растянешся! А пока можешь списаться с Высоцким, обсудить условия, согласовать договор... Вот его визитка. И вообще, брось ты эту свою привычку вечно все усложнять. Будь проще, и к тебе...

Савелий сделал страшные глаза. Три выражения раздражали его: «не бери в голову», «будь проще, и к тебе потянутся люди» и «вы же доктор».

– ...потянутся деньги! По большому счету можно и без договора обойтись. Мы тут недавно работали по убийству владельца ночного клуба, так по ходу дела выяснилось, что мужик пятнадцать лет жил в Москве без паспорта и при этом имел клуб, парочку магазинов и кафе.

– А что ему мешало получить паспорт?

– Он сам русский эмигрант из Туркмении. Туркменский паспорт вроде бы потерял вскоре после приезда в Москву, новый оформлять не поехал, так и жил. Весь бизнес был официально оформлен на подставных лиц, и ничего, прокатывало. Если бы в бабах своих... пардон – в женщинах не запутался, жил бы себе припеваючи.

– Убил ревнивый муж?

– Любовница застрелила. Он ей долго обещал, что женится, а сам тем временем своей гражданской жене (юридической у него, сам понимаешь, без паспорта быть не могло) ребенка заделал. Любовница поняла, что ловить ей нечего, украла пистолет у мужа, подполковника Генерального штаба...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Все рецепты Кулинера взяты из «Книги о вкусной и здоровой пище. Москва, Пищепромиздат, 1954 год. Ответственный редактор И. К. Сиволап.

2

«Владелец Баллантрэ» (также «Хозяин Баллантрэ» или «Мастер Баллантрэ»; англ. The Master of Ballantrae: A Winter's Tale) – исторический роман шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона, вышедший в свет в 1889 году.

3

Зигмунд Фрейд (1856—1939) – австрийский врач, ученый, психолог, психиатр и невролог, основатель терапевтического направления в психологии – психоаналитической школы, теории, согласно которой невротические расстройства человека вызваны сложным взаимоотношением бессознательных и сознательных процессов.

4

Ф. М. Достоевский, «Бесы»

5

Ассертивность – уверенность в себе, способность самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него, не попадая в зависимость от внешних влияний и оценок.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/kriminal-nye-budni-psihiatra>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)